

Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах

А. А. Васильев*¹, Ж. И. Ибрагимов², Р. В. Насыров¹, И. Н. Васев¹

¹*Алтайский государственный университет, 656049, г. Барнаул, проспект Социалистический, д. 68,*

*E-mail: *anton.vasiliev@mail.ru, nasirov.rafail@yandex.ru, vasev1986@mail.ru*

²*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева*

Республика Казахстан, 010008 г. Астана, Алма-атинский район, ул. Қаныша Сатпаева

E-mail: zhamaladen@mail.ru

Правовая система России в последние десятилетия очевидно столкнулась с вызовами глобальной электронной экономики. Связаны они прежде всего с тем, что многие группы правоотношений, традиционно существовавшие в «материальном» виде, перемещаются в киберпространство. Речь идет не только о масштабной цифровизации сферы купли-продажи, но и о тех областях права, в отношении которых их перемещение в Интернет ранее не предполагалось (сфера государственных услуг, электронное избирательное право и пр.). Если к этому добавить криминальные проявления новой цифровой реальности, то обозначенная проблема станет еще более очевидной.

Отсутствие в этой области системного правового регулирования и даже минимального набора основных правовых терминов делает отечественное законодательство беззащитным перед стремительно развивающимся интернет-правом. В статье предлагается авторское осмысление основных проблемных вопросов современной цифровой экономики, а также намечаются меры по оперативному вмешательству государства в наиболее актуальные сферы цифрового права: блокчейн, криптовалюта, смарт-контракт, идентификация интернет-пользователей, разрешение внутрисетевых споров, кибербезопасность и предупреждение компьютерных преступлений. На этом пути современная Россия, очевидно, оказалась в числе отстающих от стран, движущихся в фарватере мировой экономики. Поставленная задача, однако, вовсе не подразумевает простого копирования и механического перенесения зарубежного правового опыта на национальную почву. Речь идет о необходимости выработки оригинальной модели правового регулирования отношений в цифровом пространстве с опорой на опыт других стран. Формулирование концепции «цифрового права» должно стать первым шагом к выработке такой модели.

Ключевые слова: цифровое право, интернет право, цифровая экономика, криптовалюта.

Language of Law

The term “digital law” in doctrine and legal texts

Vasilyev A.A.*¹, Ibragimov J.I.², Nasyrov R.V.¹, Vasev I.N.¹

¹*Altai State University, 656049, Barnaul, Sotsialisticheskij Prospekt, 68,*

*E-mail: *anton.vasiliev@mail.ru, nasirov.rafail@yandex.ru, vasev1986@mail.ru*

²*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan,*

010008, Nur-Sultan, Alma-Ata District, Қаныш Сатпаев St., E-mail: zhamaladen@mail.ru

The legal system of Russia in recent decades has clearly faced the challenges of the global electronic economy. They are connected primarily with the fact that many groups of legal relations, which traditionally existed in the "material" form, are moving into cyberspace. It is not only about the large-scale digitalization of the sphere of sale and purchase, but also about those areas of law in respect of which their transfer to the Internet has never been assumed before (public services, electronic suffrage, etc.). If we add to this the criminal manifestations of the new digital reality, the problem stated will become even more obvious.

The absence of any comprehensive legal regulation in this area or a minimal set of basic legal terms makes domestic legislation unprotected against the rapidly developing Internet law. The article proposes the authors' understanding of the main problematic issues of the modern digital economy, as well as outlines measures for the state's prompt interference in the most relevant areas of digital law: blockchain, cryptocurrency, smart contract, identification of Internet users and resolution of intranet disputes, cyber security and computer crime prevention. Modern Russia has obviously been among the countries lagging behind underway towards the world economy. The task, however, does not at all imply a simple copying of foreign legal experience or mechanical transference of it onto home grounds. It is necessary to come up with an original model of legal regulation of the problem. The formulation of the concept of "digital law" should be the first step towards creating such a model.

Key words: digital law, internet law, digital economy, cryptocurrency.

Цифровизация жизни человека неизбежно порождает целый комплекс юридических вопросов. Среди таких вопросов особняком стоит содержание используемых в юридической доктрине, законодательстве и юридической практике терминов «цифровая экономика», «электронное лицо», «электронное государство», «цифровое право». При этом все настоятельнее необходимость адекватного и своевременного правового регулирования отношений в цифровом пространстве. Так, в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития на период до 2024 г.» в сфере цифровой экономики предусмотрена разработка системы правового регулирования цифровой экономики и использования искусственного интеллекта.

Приходится констатировать отсутствие однозначного понимания данных терминов в юридических текстах и научной дискуссии. Вместе с тем ясность и полнота юридических терминов выступает залогом стабильной правовой основы для деятельности человека в цифровой среде. До сих пор не определен правовой режим значительной части институтов цифровой реальности, в том числе возможность применения криптовалюты, виртуальных объектов и денег, так называемых смарт-контрактов и т.д.

Отдельный интерес представляет категория «цифровое право», которая вызывает острую полемику среди российских правоведов. Термин «цифровое право» и «цифровой финансовый актив» в субъективном смысле используются в сфере правотворчества. Так, в проекте Федерального закона «О цифровых финансовых активах», разработанном Министерством финансов Российской Федерации, содержится определение цифрового финансового актива – «имущество в электронной форме, созданное с использованием шифровальных (криптографических) средств. Права собственности на данное имущество удостоверяются путем внесения цифровых записей в реестр цифровых транзакций. К цифровым финансовым активам относятся криптовалюта, токен. Цифровые финансовые активы не являются законным средством платежа на территории Российской Федерации» [Проект..., 2018]. Следует оговориться, что весьма спорным выступает отнесение цифровой валюты к имуществу, которое создается с помощью криптографических средств. Само по себе нечто электронное вряд ли может быть признано имуществом в физическом смысле. Скорее речь идет об интеллектуальных продуктах или о правах на эти виртуальные объекты, которые могут иметь имущественный характер.

На сегодняшний момент в правовых актах стратегического характера встречается лишь один термин – «цифровая экономика». В стратегии развития информационного общества приводится легальное определение «цифровой экономики» – «это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [Указ..., 2017].

В юридической литературе, таким образом, одним из главных вопросов является обоснование цифрового права как некоей новой юридической реальности в системе российского права, а также введение особой категории субъективных прав – цифровых прав личности.

Прежде всего, в теоретико-правовом отношении представляют интерес попытки обособления цифрового права или интернет-права. Для выделения цифрового права в самостоятельный элемент системы права необходимо наличие самостоятельного предмета и метода правового регулирования. Вне всякого сомнения, говорить о специфических отношениях в сфере цифровой реальности или особых способах правового регулирования не приходится. Основным отличительным признаком цифровых отношений выступает использование особой системы коммуникации – интернет-пространства. Причем в новую коммуникационную оболочку облекаются привычные формы социального взаимодействия – имущественные отношения, избирательные, политические и прочие.

Все же следует согласиться с мнением В. В. Архипова о том, что интернет-право не может рассматриваться как самостоятельная отрасль права. Скорее, речь может идти об особой отрасли законодательства при условии появления совокупности фундаментальных нормативных правовых актов относительно регулирования отношений в связи с использованием Интернета [Архипов 2018: 29-33].

При этом цифровое право (интернет-право) в объективном смысле как совокупность норм права, регулирующих отношения по поводу применения Интернета, характеризуется рядом особенностей:

1) отношения в сфере Интернета могут регулироваться на уровне технического кода;

2) цифровое право объединяет предметное единство по поводу разрешения с помощью юридических, технических и программных средств целого ряда системных вопросов использования интернет-пространства (юрисдикция, защита информации, виртуальная валюта и т.п.) [Архипов, 2018: 29];

3) цифровые отношения протекают в особой интернет-среде и приобретают виртуальный характер.

В американской юридической литературе известна дискуссия относительно предметной самостоятельности интернет-права как области юридического знания. Так, Ф. Истербрук выступил против обособления интернет-права, пользуясь аналогией «лошадиного права» [Easterbrook 1996: 207]. По его мнению, никаких принципиальных особенностей право, регулирующее Интернет, не имеет. Нет необходимости выделять направления в юриспруденции по поводу того или иного предмета без учета иных юридически значимых особенностей. С тем же успехом можно обособить лошадиное право, поскольку встречаются институты права относительно сделок по поводу лошадей или причинения вреда лошадям. Иной точки зрения придерживается Л. Лессиг, который отмечает своеобразие той реальности (виртуальной, электронной), в которой складываются указанные общественные отношения. В такой среде, с одной стороны, действует цифровой код, а с другой стороны, отношения в сфере использования Интернета с учетом ее архитектуры не поддаются такому контролю, как физические общественные отношения [Lessig 1999].

Фактически архитектура виртуального мира такова, что привычная теория права и модель правового регулирования не срабатывают в киберпространстве. Прежде всего, отношения в цифровом пространстве не поддаются такому же контролю, как в традиционных условиях. В электронной среде значительно сложнее идентифицировать личность человека, его пол и возраст, а значит, учесть данные особенности в правовом регулировании. Правовое регулирование общественных отношений в сфере Интернета выходит за рамки национального пространства и приобретает международно-правовое звучание. Так, кибератаки на информационные системы производятся с территории иностранных государств, а идентификация пользователей для доступа к контенту с социально и психологически опасными последствиями уязвима в современных технологических условиях.

Но при этом в отличие от физической реальности виртуальный мир может быть изменен человеком через код. Не случайно в западной и российской практике долгое время считалось, что сфера Интернета находится за пределами правового регулирования и до сих пор существуют движения за свободное ее развитие без вмешательства государства. На первом этапе распространения Интернета отношения между пользователями регулировались на основе стихийно возникавших обычаев и технических норм. До сих пор значительная часть виртуального мира находится вне сферы правового регулирования и подчиняется сложившимся стихийно социальным нормам. Так, форумы для обсуждения определенной тематики вырабатывают собственные правила общения и санкции для нарушителей этих правил в виде исключения или ограничения участия в таком общении.

Появление кибератак, сбор данных о частной жизни, защита интересов детей и т.д. вызвали к жизни бурное развитие правотворчества в сфере Интернета. Появление «даркнета», криминальной и скрытой стороны Интернета ведет к тому, что национальные государства не могут оставаться безучастными к этой стороне проблемы. Назрела необходимость выработки международно-правовых документов и механизмов нейтрализации социально опасных проявлений цифрового пространства, а также национально-правового опосредования цифровой среды: блокчейн, криптовалюта, смарт-контракты, идентификация пользователей, разрешение споров, кибербезопасность и предупреждение компьютерных преступлений.

Таким образом, цифровое право можно рассматривать в двух значениях:

1) в широком смысле оно охватывает совокупность норм права, регулирующих общественные отношения, которые протекают с использованием Интернета;

2) в узком смысле цифровое право объединяет нормы права, касающиеся разрешения системных проблем Интернета.

Кроме того, цифровое право можно понимать и в субъективном смысле. Один из вариантов такого понимания предложен в проекте Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (О цифровых правах)». Речь идет о разновидности имущественных прав на электронные (виртуальные) блага, которые могут быть конвертируемы в реальные материальные блага [Ситдикова, Ситдииков 2018: 75-82]. В проекте закона, принятом в третьем чтении Государственной Думой Российской Федерации 13 марта 2019 г., содержится такое определение цифровых прав – «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу».

При этом из проекта закона исключили такие термины как «криптовалюта» и «токены», поскольку, по мнению П. В. Крашенинникова, использование их в законодательстве преждевременно.

Таким образом, можно отметить формирование особой отрасли законодательства и научного направления – цифрового права (интернет-права). Понимать его стоит в двух значениях. В объективном смысле цифровое право есть совокупность норм права, направленных на разрешение системных проблем интернет-права. В субъективном смысле цифровое право представляет собой юридическую возможность использования информации и иных благ с помощью интернет-пространства.

Литература

1. Проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах».
URL: https://www.minfin.ru/ru/document/npa_projects/
2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» //Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. N 20. Ст. 2901.
3. Архипов В. В. Интернет-право. М., 2018.
4. Ситдикова Р. И., Ситдилов Р. Б. Цифровые права как новый вид имущественных прав / Имущественные отношения в РФ. 2018. – №9.
5. Easterbrook F. N. Cyberspace and the Law of the Horse / University of Chicago Legal Forum, 1996.
6. Lessig L. The Law of The Horse. What Cyberlaw Might Teach / Berkman Center for Internet & Society at Harvard University, 1999.

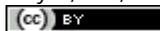
References

1. Arkhipov, V.V. (2018). Internet law [Internet-pravo]. Moscow (in Russian).
2. Easterbrook, F. N. (1996). Cyberspace and the Law of the Horse. University of Chicago Legal Forum.
3. Law draft project "On Digital Financial Assets" [Proyekt Federal'nogo zakona "O tsifrovyykh finansovykh aktivakh"]. Available from: https://www.minfin.ru/ru/document/npa_projects/
4. Lessig, L. (1999). The Law of The Horse. What Cyberlaw Might Teach. Berkman Center for Internet & Society at Harvard University.
5. Presidential Decree of 09.05.2017 N 203 "On the Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017-2030" [Ukaz Prezidenta ot 09.05.2017 N 203 "O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017-2030 gody"]. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 05/15/2017. N 20. Art. 2901 (in Russian).
6. Sitdikova, R. I., Sitdikov. R. B. (2018). Digital rights as a new type of property rights [Tsifrovyye prava kak novyy vid imushchestvennykh prav]. Property relations in the Russian Federation, 9 (in Russian).

Citation:

Васильев А.А., Ибрагимов Ж.И., Насыров Р.В., Васев И.Н. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах. // Юрислингвистика. – 2019. – 11. – С. 15-18.

Vasilyev, A.A., Ibragimov, J.I., Nasyrov, R.V., Vasev, I.N. (2019). The term "digital law" in doctrine and legal texts. Legal Linguistics, 11, 15-18.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
